

раеть,—не может ограничиваться лишь знаніемъ *зла* и *добра*, а считаетъ долгомъ искорененіе перваго и водвореніе втораго; словомъ, самодержецъ становится инициаторомъ въ переходъ науки отъ нынѣшняго ея отвлеченнаго, бездушнаго состоянія, въ науку братскую, сыновнюю, отеческую и только въ такой наукѣ, въ такомъ знаніи и можетъ быть участникомъ самодержецъ» (стр. 391—392 Филос. Общ. Дѣла). „Вступленіе самодержца въ предводительство (а не предсѣдательство) учеными сдѣлается новою эпохою, эрою, великимъ переворотомъ въ наукѣ, благодаря которому два класса ученыхъ соединятся, и не въ знаніи только, а въ одномъ общемъ дѣлѣ: археологи будутъ тогда заниматься *не изученіемъ лишь* останковъ отжившаго, разрушеннаго, а натуралисты *не—изученіемъ—только* умершвляющей, разрушающей силы, тогда всѣ эти ученые съ царемъ во главѣ и вмѣстѣ съ народомъ, или даже со всѣми народами, будутъ имѣть своимъ дѣломъ регуляцію (управленіе) текущаго для возстановленія протекшаго (отцовъ), обращеніе смертоносной силы въ животноую; наука въ рукахъ самодержавія будетъ средствомъ братотворенія чрезъ исполненіе сынами долга къ отцамъ. Самодержавіе можетъ приобрести полное, истинное знаніе народа, только принявъ подъ свое непосредственное руководство два сѣзда, соединенные въ одинъ, постепенно въ разныхъ мѣстахъ собирающіеся и обходящіе всю Россію, начиная отъ центра,—два сѣзда, въ которыхъ совмѣщены всѣ отрасли знанія: сѣздъ историко-археологическій, въ которомъ соединяются знанія о челѣвкѣ, знаніе протекшаго и текущаго — въ религіозномъ, свѣтскомъ, гражданскомъ и военномъ отношеніяхъ, и сѣздъ естествоиспытателей и врачей, т. е. изученіе продовольственно-санитарнаго вопроса. Принявъ подъ свое руководство этихъ испытателей жизни человѣческой и жизни природы, самодержавіе получитъ возможность провѣрки знанія: официальнаго знаніемъ добровольнымъ, знаніемъ наиболѣе безпристрастнымъ, и избавится отъ необходимости прибѣгать къ гласности (газетной или журнальной), къ гласу народа въ лицѣ мнимыхъ его представителей, который также не безпристрастенъ, пока весь народъ не стаетъ орудіемъ знанія, какъ и орудіемъ вѣры въ дѣлѣ Божіемъ. Вопросъ о самодержавіи и конституціи разрѣшается самимъ знаніемъ въ пользу перваго, ибо конституція сама есть одинъ изъ неистинныхъ способовъ знанія,—даже, можетъ быть, болѣе неистинный, чѣмъ знаніе официальное, способъ—худшій самой гласности, которая также ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть истинною, и будучи ничтожна, какъ сплетня, становится страшною, когда достигаетъ громаднхъ размѣровъ. Конституція, разсматриваемая какъ способъ знанія, должна быть отнесена къ самымъ не компетентнымъ, ибо она мнимымъ представителямъ народнымъ даетъ право рѣшать дѣла, о которыхъ они, не будучи специалистами, не имѣютъ надлежащаго понятія; т. е. конституція невѣжеству даетъ власть надъ знаніемъ и умомъ. Глупость, сказалъ гдѣ-то Герценъ, есть сила; но онъ не добавилъ, что конституція развязываетъ руки этой силѣ, даетъ ей власть. Самодержавіе ставитъ прежде всего знаніе внѣ интересовъ земныхъ, выше области себялюбія и самолюбія, а потому знаніе, не искаженное страстями, становится безпристрастнымъ. Изъ всѣхъ способовъ знанія самодержавною